

Люк стоял у высоких окон своей спальни и смотрел в ночное небо. Корусант был захвачен одной из своих впечатляющих гроз, краткие вспышки раскаленной молнии о Еще год, и это все равно не имеет значения, у него будет достаточно места, чтобы гарантировать, что Империя находится в свободном падении, набирает обороты ... все, что ему нужно, это последний, безымянный стимул, который объединит все разные фракции - все, что ему нужно было найти его. Он только раз обернулся, чтобы взглянуть на маленькую деревянную коробку без украшений на шкафчике поблизости - короткая яркая вспышка шторма обозначила его твердые края.

Люк подумал, что безмерное тщеславие его старого Учителя ужаснулось бы, если бы узнал, что его прах безымянно лежит в простой невзрачной коробке в комнате человека, который его убил. Но он дал обещание отвратительному, жестокому старику в той последней дуэли... и позволил судьбе попытаться схватить его, прежде чем он воплотит его в жизнь. Просто позволь им попробовать. Но это ожидание, это мучительное знание внутри Силы было мучительным, парящее на близком расстоянии, как изменение давления перед бурей, прятавшееся в тени на краю поля зрения и шепот каждую ночь, когда он пытался уснуть, царапая его мечты и крутить их ...

Он снова оказался в коридоре на станции Хоск; этот длинный, темный, грязный, пыльный, забытый коридор, сломанная, кошмарная реальность, изгибающаяся и растягивающая края теней. И в дальнем конце не было двери, за которой находилась комната, где ждала Лея; теперь за ним стояла дверь с гораздо более тяжелыми задвижками, до боли знакомая. С герметичным шипением дверь распахнулась, и сразу за ней на тяжелых скобах открылась вторая дверь - и Люк знал, что внутри. И все же он шел вперед, не в силах остановить себя со всей волей мира.

Он заколебался, держась за порог, комната внутри была черна, как беззвездная ночь ... и, не двигаясь, комната расширилась, протянулась, поглотила его, окружила ... и это была не переговорная комната на Хоске; это была камера, камера под Дворцом, и дверь скрипнула, захлопнувшись с абсолютной неизбежностью. Вот он снова стоял в камере под Дворцом... но не в камере. Совершенная копия, изгиб крыши, эхо резкого дыхания Люка на фоне арочного куполообразного пространства... но здесь нет пепельных стен; нет идеального светящегося белого цвета. Эти стены были черными как смола, черными как кошмары, темными как сама смерть. А потом они были позади него; Стража Палпатина.

Охранники, которые всегда приходили. Двенадцать умов, плотных, твердых и холодных, как камень. Двенадцать целеустремленных намерений; двенадцать безликих угроз. Двенадцать охранников... только не двенадцать. Не двенадцать умов; Семь. Семь умов... почему семь? И шок боли, который пронзил его в следующий момент, был парализующим, он искалечил колени, когда он упал на землю, обхватив голову руками для защиты, как он много раз делал в этой проклятой камере. .. Он ахнул в абсолютной тишине, все еще сгорбившись.... они остановились? Когда они остановились? Месяц назад или минуту, час назад или сердцебиение?

Мышцы медленно расслабились, все еще дрожая от боли ... И там... там, перед ним, в той проклятой камере, был трон Палпатина; Престол Пророчеств, источник кошмаров. Но не Палпатин неподвижно сидел статуей на массивном троне, нематериальном, как мечта, но каким-то образом твердым и непроницаемым, как гранит. Вместо этого образ в видении Люка изменился, пульсируя вместе с его сердцем, извиваясь и фрагментируясь в его разуме, перекачиваясь через короткие, сломанные образы всех, кого он знал.

Слова, моменты, воспоминания обо всем, что говорили эти люди, расцвели в разуме Люка, беззвучные и бесформенные, но кристально чистые, смешанные и слившиеся с разрозненными

образами трона, краткими преломлениями его блестящей позолоченной поверхности.

Воспоминания пронесли мимо, разрозненные, ртутные, изогнутые, расколотые и острые, как лезвия, и эта комната, эта темная клетка, заполненная ими, ярко и резко вспыхнувшая в абсолютной тьме, пока они не обрушились на Люка, как физическая сила, давя. внутрь, крепко прижимая ребра к дыханию, сгибая его вдвое - Он закричал, скорее мысленно, чем физически, вспышка раскаленной силы внутри Силы, которая взорвалась наружу, отбрасывая воспоминания обратно в идеальный, пустой пузырь вокруг него - и на мгновение все замерло, как будто само время остановилось, и Люк медленно поднимался в центре этого пустого, похожего на сновидения пузыря, в то время как все эти воспоминания и эти жизни карабкались по его краям, далекие и тупые. И все, что осталось в неподвижной тишине пузыря, - это Люк ... и трон.

Только он шептал тяжеловесно и мощно, как поворот Вселенной ... и постепенно шепот стал тем глубоким, знакомым тоном, сначала резким и диссонансным, но изменяющимся по мере эха, как удаляющийся тон колокола, переходящий в совершенный, точный гармония с разумом Люка. В нем не было слов, не было сознательной мысли, но было такое сильное притяжение, что Люк почувствовал, что оно выравнивает каждую молекулу его тела, каждую частичку каждой мысли к нему с такой глубокой и резонансной потребностью, что она стала его собственной: ~ Сидеть ~ Слово звенело внутри него.

Оно колыхалось в воздухе, как дымка, оно обжигало и горело как огонь - потому что он знал; он знал, что если он пройдет один через эту абсолютную тишину, чтобы сесть на трон, это будет его смерть. А за ним снова в этом бесплодном пространстве стояли двенадцать стражников Палпатина, разумы которых были непроницаемы для неподвижного пузыря, само их существование было затуманено этой пустой Силой пустотой, лица нечитаемыми; невидимый... только не двенадцать; Семь. Семь. Когда Люк повернулся, спотыкаясь, чтобы встретиться с ними лицом к лицу, у них не было ни пиков, ни прутьев; теперь они держали бластерные винтовки на уровне плеч, безошибочно нацеленные.

Раздался крик, это слово превратилось в взрыв колючей ненависти, полностью заполнив пустоту, пузырь лопнул, Люк дернулся назад, когда слово превратилось в действие; " Огонь!" Люк отшатнулся, мышцы сжались, бесполезно сопротивляясь выстрелам. Удар по затылку осветил абсолютную тьму ярким белым светом... Он издал вопль, и это был настоящий звук, шок от него выдернул его из кошмара в реальный мир, задыхаясь в темноте, тело прижалось к изголовью кровати, где он, должно быть, царапался во время видения, ударившись головой за спину, боль вернула его обратно в реальность ночи, глаза широко раскрылись, грудь вздымалась. Тени ярко засветились еще одной вспышкой грозы, неумолимым безумием хаотической ярости, и Люк вздрогнул, каждый мускул работал.

Трон! Этот проклятый трон! Он должен был увидеть; прямо сейчас он должен был увидеть; был одержим необходимостью пойти туда прямо сейчас и знать, что престол исчез. Он встал и быстро оделся, натягивая одежду, не видя, рубашка скользила по мокрой от пота коже, разум был полностью захвачен, одержим желанием увидеть, что трон ушел. . Он стоял в холодной тишине пустого зала, глядя на потрепанные следы в тяжелой пыли, куда вошли многие люди, чтобы отодвинуть трон. Шторм бушевал снаружи, снова и снова бросаясь в окна, пока он стоял неподвижно так долго, что его мускулы гудели, а зрение затуманивалось, тени корчились во мраке. Наконец, в размытом движении он развернулся, так быстро шагая из квартир и через своих стражников, что они едва успели отшатнуться с его пути.

Снова двинувшись вперед, они разбежались в рыхлую, неуклюжую группу, быстро возвращающуюся к Западной башне. Люк поднимался по широкой, неглубокой лестнице на

несколько ступеней за раз, заставляя своих охранников бросаться за ним. Он зашагал по длинному коридору, не замедляясь, уже сняв с пояса свой световой меч, высокие двери перед ним практически распахнулись, чтобы отскочить от стен. Люк уже прошел сквозь них, его сабля была единственным светом в огромном тренировочном зале с деревянным полом. Красные гвардейцы с благодарностью остановились у входа в зал, расположившись по обе стороны от двери, разумы воспевая облегчение от того, что им больше не нужно было следовать за своим Императором. Люк не сбавлял темпа, его световой меч двигался по сложной серии дуг, когда он без разминки начал практиковать строфу, начиная с продвинутого уровня.

Практика продолжалась долгое время в темноте, движения становились все более быстрыми и яростными, единственные звуки отражались в пещеристом пустом пространстве - это воющая гроза и яркий, гудящий клинок, рассекающий воздух. Звонок пришел через три часа после полуночи, пробудив Мару от беспокойного сна, мутные тревожные сны шепчутся, как клубящийся черный дым на краях ее сознания. Связываясь с Натаном, она оделась как можно быстрее и направилась сюда, всю дорогу тревожась из-за того хрупкого состояния, в котором может находиться Люк: длинные пустые коридоры зловеще свистели, бледное эхо ярости шторма снаружи. Это был третий раз за последний месяц, когда она была разбужена посреди ночи Клемом, главой Императорской гвардии, с тщательно сформулированными сообщениями, которые приходили быстро, только Мара или Натан могли разогнать эти ситуации. Когда она приехала, Натана еще не было, Клем стоял на полпути в коридоре с каменным выражением лица.

Два надежных телохранителя, которые, несомненно, дежурили и поэтому сопровождали Люка через Башни, остались по обе стороны от двери Тренировочного зала, но в остальном они были одни; правило было, как можно меньше людей. Когда Мара проходила мимо Клема, яркий рубиновый клинок светового меча прорвался сквозь внешнюю стену Тренировочного зала в нескольких футах от одного из телохранителей, как будто его бросили, заставив мужчину подпрыгнуть и повернуться в шоке, когда все еще активный клинок упал. под собственным весом, прорезая линию вниз через камень, пока тяжесть рукояти не втягивает ее обратно в Зал Практики. Мара почти сразу собрала самообладание, тихо нахмурившись, глядя на реакцию мужчины, когда она шла к дверям, картина беззаботной уверенности, когда лезвие упало из поля зрения, оставив длинный разрез в стене.

Она открыла дверь и, не раздумывая, вошла в чернильную тьму за ней. Закрыв двери, Мара несколько секунд стояла неподвижно, ожидая, пока ее глаза привыкнут к полумраку. Она могла слышать тяжелое дыхание Люка, но сегодня ночью не было звездного света из длинных тонких окон в одной из сторон холла, так что она смутно знала, что он стоял где-то в центре комнаты.

Повернувшись, Мара медленно подошла к световому мечу, который все еще опасно гудел на полу, кончик алого лезвия упирался в деревянные доски и, прожигая, создавал легкий шлепок дыма. Когда она присела, чтобы взять его, лезвие развернулось от нее, поворачиваясь назад и вверх, чтобы сначала пересечь комнату рукоятью. Мара замерла на долю секунды, услышав, как металлическая рукоять коснулась руки Люка, когда он поймал ее.

Сделав один вдох, он встал и повернулся. "Люк?" Освещенный карминовым светом, тяжело дышащий, мокрые волосы и прилипшая к телу рубашка от пота, Люк Скайуокер выглядел совсем не хрупким. Разветвление ослепляющего света рассекло небо позади него, заставив Мару вздрогнуть, а затем он повернулся, пылающий рубиновый клинок пронзил воздух с невероятной скоростью, превратившись в размытое пятно движения, когда его владелец бросился в сальто и сальто, что было необычно атаки и размашистые мощные удары,

связанные вместе, плавные и смертоносные, наносимые с безошибочной точностью и грубой агрессией - Вдруг он остановился как вкопанный, раздраженно закричал.

Сделав несколько шагов назад, он повторил последнюю серию атакующих взмахов, лезвие описывало замысловатые дуги, мгновенные взгляды на человека, который держал его, мелькали в темноте. Снова остановившись точно в тот же момент, он пробормотал себе под нос, отступая, снова повторяя упражнение. И снова, и снова, и снова, каждый раз немного быстрее, лезвие превращалось в широкую дугу света, пока, наконец, с криком разочарования он не отбросил световой меч от себя с такой силой, что меч пролетел на всю длину комнаты, клубящейся сияющей лентой над черным полом, запах горящего дерева поднимался короткими кольцами, когда они соприкасались.

«Люк, ты что, черт возьми ...» Мара замолчала, выражение его глаз остановило ее. Затем он протянул руку, не глядя, и лезвие заскользило и поднялось, откинувшись назад, чтобы ударить по ладони его протянутой руки, лезвие повернулось в сторону, низко замахнувшись позади своего владельца, острие почти на уровне пола, силуэт Люка, когда он повернулся боком к Маре, одна рука перед ним, шагая вперед в боевой стойке.

Если он и узнал ее, то не показал этого, не замедлил шага. С бешено колотящимся сердцем Мара сделала три длинных быстрых шага назад и протянула руку, чтобы провести по панели управления. Огни в огромной комнате загорелись последовательно расположенными рядами, заставив ее обитателей на мгновение вздрогнуть, хотя в спешке Мара активировалась только наполовину. Их. Люк замер, морщась от света, шрам вокруг его глаза образовался. В тусклом полумраке он упал на заднюю ногу, световой меч все еще горел.

Хотя он держался низко позади него, его равновесие находилось на задней ноге, Мара прекрасно понимала, что он все еще стоит на страже. Она на мгновение пожалела, что взяла с собой свою собственную саблю, хотя бы в качестве дополнительной защиты, но тут же отбросила эту мысль; если бы она вытащила клинок, у нее не было бы надежды остановить его, не тогда, когда он был таким. На мгновение она подумала о пузырьках с сывороткой, которая могла бы успокоить его; те, которые Люк приказал уничтожить, затем она быстро отвела взгляд, скрывая эту мысль.

Бесконечная практика Сэйбер, которая так долго поддерживала его здравомыслие при Дворе Палпятина, медленно видоизменилась за последние несколько месяцев, когда на поверхность всплыли кошмары или видения, и он не мог уснуть. Если его оставить, он будет практиковаться до тех пор, пока его не одолеет истощение, а затем ненадолго засыпает, возвращаясь к медитации, чтобы восстановить усталый ум и больное тело. Но каждый раз они становились немного опаснее, эти хрупкие вспышки, становились все менее контролируемыми. Как сон наяву, от которого не было выхода Мара сделала еще один шаг вперед, произнесла его имя, пытаясь прервать момент случайными словами, как она делала это раньше.

«Люк... серьезно, перестань. Ты заставляешь меня нервничать». Он оставался неподвижным, грудь вздымалась, световой меч оставался низко опущенным, хотя весь язык его тела в этот момент указывал на кого-то на грани атаки, а не на оборонительное отступление. Снова Мара заставила себя двигаться вперед. «Люк... Натан уже в пути, а ты...» « Уходи », - прошипел он яростным голосом, склонив голову набок, осторожно протянув руку перед собой. Глубоко осознавая, что это было единственное предупреждение, которое она получит, Мара сделала еще один шаг вперед, показывая свои протянутые руки, но держа их низко, ладонями вверх. «Вы знаете, что я не могу этого сделать».

Люк равномерно перенес свой вес на подушечки его стоп, когда Мара сделала еще один шаг

вперед, его передняя рука опустилась ближе к его телу, а колени слегка согнулись. Это было незначительное изменение баланса, но Мара наблюдала за этим и остановилась, зная, что она не может подойти ближе, низкий гул клинка сотряс воздух. "Возможно ты..." Внезапно Люк подбросил свой вес вверх и назад в сальто, лезвие развернулось перед ним, в дюймах от того, чтобы разрезать Мару от бедра до плеча. Приземлившись на левую ногу, все еще приседая, он использовал импульс прыжка, чтобы отнести его обратно к Маре, сабля плотно прижалась к его телу, прежде чем нанести удар наружу и подняться, остановившись в дюймах перед грудной клеткой Мары.

Она стояла очень неподвижно, хотя ее грудь быстро поднималась и опускалась, потрясенная этим действием. Они много раз спарринговались, и Люк часто приближал свой собственный меч к Маре, пытаясь приучить ее к его присутствию, но она ни разу не чувствовала угрозы, несмотря ни на что. « Вы говорите, что способны причинить мне боль? Я вам не верю».

Когда давным-давно она сказала это Люку, она была абсолютно убеждена. Теперь, здесь, ее сердце колотилось по ребрам, Мара остро осознавала тот факт, что даже если Люк знал о ее присутствии, он явно не имел представления о том, кто она такая. Он встал, внезапно расслабившись, взглянув вниз, покачал головой, явно расстроенный, все следы угрозы исчезли. Кончик лезвия свободно упал, когда он снова отступил на три шага, сделав паузу с закрытыми глазами.

Сглотнув ее пересохший рот, Мара попыталась последовать за ней, но когда она это сделала, Люк снова бросился обратно в точно такую же последовательность движений, скорость перехода от холостого хода к действию ужасала, его световой меч метался в сплошной стене света перед Марой. , так быстро было движение. В тот момент, когда он закончил, он вскрикнул от гнева, встал и сделал несколько шагов назад, качая головой. «Люк, я позову Холлина, хорошо?» Мара знала, что он, должно быть, уже за дверью; посмела она привести его?

Мысль была захвачена шквалом движений, когда Люк снова прошел точно такую же последовательность. На этот раз, когда он закончил, грудная клетка все еще вздымалась от напряжения, он сердито крикнул на себя: «Сделай это правильно !!» Как будто Мары просто не было, он снова отступил на три шага, качая головой, бормоча себе под нос неслыханные упреки. На этот раз, отчаянно пытаясь прервать эту навязчивую спираль, Мара подошла слишком близко, чтобы Люк смог повторить движения, не задев ее.

Даже не глядя, Люк попятился, но Мара снова шагнула вперед, сохраняя дистанцию между ними, искаженное повторение того времени, когда она натолкнулась на него в тренировочном зале, пытаясь помешать ему тренироваться, когда это было повредило сильно сломанную руку. Тогда это была игра, Люк усмехнулся, когда она подошла ближе, и он отступил назад: «Что, мы сейчас танцуем?» Сердце ее заболело в груди при воспоминании; по разнице между тем и сейчас - по спирали событий, которые привели его к этому. Не зная, как будто все еще не подозревая о Маре, Люк отступил, не узнав ее. Снова Мара последовала за ним.

Они возвращались так еще несколько раз, пока, наконец, Люк не был вынужден взглянуть на нее, раздражение срезало его слова, глаза ярко светились в тусклом свете. " Назад!" Мара почувствовала сильное давление на ее тело, когда Люк поднял руку ладонью наружу. Невидимая сила была больше толчком, чем ударом, малой частью того, на что он был способен, но в ней была невероятная сдерживаемая сила, когда она ударила по ее грудной клетке, без усилий отбросив ее назад. Она тщетно пыталась устоять, опираясь на невидимый толчок, хотя он заставил ее отступить на несколько шатающихся шагов, как будто все ее сопротивление было ничем. Люк уже отступал, действие было забыто или отвергнуто,

потеряно в его собственном замкнутом сознании, когда Мара заставляла воздух в свои легкие говорить. «Его здесь нет», - громко и твердо сказала она, все еще пытаясь дышать. Люк замолчал, его цепь мыслей оборвалась: «... что?»

«Его здесь нет, Люк, ты это знаешь». Мара покачала головой, ища зрительного контакта: «Он мертв». Несколько долгих секунд Люк смотрел на Мару, тяжело дыша. Наконец он покачал головой, бормоча, снова попятился, навязчивое желание взяло верх. Мара шагнула вперед, пытаясь снова. «Ход был идеальным». Он покачал головой, не поднимая глаз: «Это было слишком медленно». Он ответил - что означало, что он слушал. «Это было идеально. Вы достаточно потренировались сегодня вечером». «Нет, это было слишком медленно. Лезвие было недостаточно туго затянутым на повороте».

Люк был непреклонен, хотя Мара знала, что недостатков не существует. Она протянула руку достаточно близко, чтобы коснуться его, но не осмеливалась сделать это в его остром состоянии. «Люк, тебе пора остановиться». Люк остановился, тяжело дыша, разочарование и замешательство в его глазах... но он колебался... «... Это было слишком медленно...» «Пожалуйста, Люк. Ты знаешь, что это, это просто сны». Мара снова протянула руку, зная, что Люк борется с внутренними демонами. Всегда, за все время, пока она его знала, ему снились кошмары, которые заставляли его просыпаться глубокой ночью, кричать в темноте, в нескольких шагах от кровати, прежде чем он даже проснулся, напряженный для борьбы.

Она знала, что они из себя представляли, как они возникли, хотя он ни разу за все время, пока она знала его, не рассказывал о своем пребывании в камере под Дворцом. Люк сделал неуверенный шаг назад, теперь странно уязвимый, покачивая головой тихим голосом. «... Это было слишком медленно...» «Нет, не было. Ты можешь тренироваться завтра. Пожалуйста, Люк...» Он несколько раз быстро моргнул, как будто выходя из фуги, научил мышцы медленно расслабляться. Басовый гул сабли затих, когда он отключил ее.

Все еще тяжело дыша, он посмотрел вниз, замешательство окрасило его покрытое шрамами лицо. «Я до сих пор это вижу», - прошептал он, его глаза были невероятно яркими в полутени, а голос был прерван недоумением. "Смотри что?" «Трон, трон Палпатина». Он сказал это так, как будто это было очевидно, как если бы это была движущая сила Вселенной.

Мара знала, что он был там сегодня вечером; Клем сказал, что он пошел туда первым, простоял почти час в безлюдных покоях Палпатина, чтобы в тишине и тишине посмотреть на пустое место, где когда-то стоял трон. «Его больше нет», - просто сказала Мара. «Теперь его нет». Он посмотрел на нее, медленно поднимая голову, осознанность просачивалась в стеклянные глаза. Выпустив дыхание, которое она не осознавала, что задерживает, Мара позволила тишине повиснуть на несколько мгновений, чтобы Люк смог сосредоточиться, прежде чем, наконец, мягко сказать: «Может, тебе стоит отдохнуть?» Люк прерывисто вздохнул, разноименные глаза умоляли, когда он покачал головой. "Я не могу ..."

"Я знаю." Это все, что она могла сказать, зная, что никакие слова не заглушат эту боль. Она медленно шагнула вперед, взяв саблю из его непоколебимой руки, и обняла его в тусклой тени, прижимая к себе... и медленно, он поднял руки и держал ее. . Когда прибыла Кирия, предупрежденная своими собственными источниками, ее вежливо, но твердо остановили в двадцати шагах от тренировочного зала охрана командера Клема. Холлин, один из помощников Императора, на мгновение оглянулся, но его внимание, казалось, было сосредоточено на другом.

Кирия на мгновение задалась вопросом, почему он не вошел в тренировочный зал, который явно находился там, где находился Император, несмотря на ранний час, когда двое

королевских гвардейцев занимали позиции у высоких дверей. Прибыл Вез Рис, и, к досаде, его пропустили сразу же без проблем мимо широкого кольца стражи. Натан Холлин вышел вперед, чтобы поговорить с ним приглушенным, настойчивым тоном. Кирия снова попыталась пройти, и снова ее остановили, когда охранник сомкнулся перед ней. На этот раз она в отчаянии вскрикнула, и Рис немедленно повернулся и двинулся вперед. «Пожалуйста, леди Кирия, вам следует вернуться в свои апартаменты». "Что происходит?"

«Ничего. Ничего не происходит. Пожалуйста...» Кирия склонила голову набок и посмотрела на него. «Я не дурак, Рис. Император там... почему?» «Он тренируется. Он часто тренируется, ты это знаешь». "Перед рассветом?" «В любой час». В его словах был осторожный тон, который заставил Кирию нахмуриться. «Рис, я ему не враг». Помощник потер глаза, скорее терпеливо, чем устало: «Я знаю, ваше превосходительство. Я знаю это. Это всего лишь... личное дело». Кирия нахмурился, оглядываясь на близкие двери и нервной, разъедающее лицо тех, в коридоре, Натан Hallin раздавая приказы и перемещение охранников назад ... и реализация ударила ее - о том, кто не было здесь.

"Джейд там?" «Командир Джейд - личный телохранитель Императора, Ваше Превосходительство. Вы знаете...» "Она там?" "... Да." Кирия встретилась с ним взглядом, и Рис вздохнула, возможно, видя часть страдания, которое она так старалась скрыть. Его тон, когда он говорил, был примирительным, даже поддерживающим. «Она может стабилизировать его в этом случае, ваше превосходительство. У нее здесь есть место, которое...» "Стабилизировать?" - пробормотала Кирия с явным беспокойством, когда она понизила голос.

«Это ничего, уверяю вас. Пожалуйста, если вы действительно хотите помочь, вы вернетесь в свои апартаменты. Я найду время, чтобы увидеть вас завтра, ваше превосходительство, и объясню, что могу. Даю вам слово». Кирия долго смотрела ему в глаза, желая поспорить... но сейчас не время, даже она могла это видеть. Она повернулась, натягивая на себя длинный величественный шлейф своего платья, и царственно шла по широкому коридору, яркая вилка молнии на мгновение вспыхнула в тени этого уединенного места, осознавая, что ее снова вежливо оттеснили.

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1288215>